

Л.Н. Котова

*Восточно-Казахстанский государственный университет
им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск (Казахстан)*

К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ФАКТОРАХ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ГАРМОНИИ

Ключевые слова: эффективность общения, диалог «автор-адресат», мировоззрение, коммуникативная гармония, аллюзия.

Статья посвящена проблеме эффективности общения, в частности, эффективности диалога «автор-адресат» при общении через художественный текст. Исследуется воздействие на коммуникативный эффект одного из нелингвистических факторов, а именно – фактора мировоззрения. Как показало социолингвистическое исследование, данное воздействие может быть имплицитным для коммуникантов, но при этом глубоко укорененным в их сознании и оказывающим влияние на эффективность общения «автор-адресат».

L. N. Kotova

*S. Amangolov East Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk
(Kazakhstan)*

ON THE ISSUE OF THE WORLD OUTLOOK FACTORS OF THE COMMUNICATION HARMONY

Keywords: communication efficiency, “author-recipient” dialogue, world outlook, communication harmony, allusion.

In the article given the problem of the communication efficiency in general, and that of the “author-recipient” dialogue while communication via a piece of fiction, in particular, is revealed. The influence on the communication of the world outlook factor, as one of the non-linguistic factors, is under study. As the socio-linguistic research shows this influence can be implied for those involved in communication as well as deeply established in their consciousness affecting the efficiency of the “author-recipient” communication.

Исследование путей повышения эффективности речевого общения (и общения через литературный текст как его разновидности) представляется весьма актуальным не только в силу внутренней логики развития современной лингвистической науки, но и с точки зрения запросов общественной практики. Согласно новой концепции культуры речи понятие «эффективности» применительно к процессу речевого общения должно быть уточнено. Также нуждаются в переоценке сама сущность и результаты речевого общения. Это связано с тем, что в недрах культуры индустриального типа происходит довольно быстрое становление культуры

нового типа. По словам А.К. Михальской «гармонизирующий характер этой культуры проявляется в отходе равно и от научно-технической ориентированности, и от антропоцентризма, якобы противопоставленного последней. Направленность ее, уравнивающая отношения мира и человека, ведет к пониманию диалогического принципа их бытия и взаимодействия» (Михальская, 1990: 51). Иными словами, человечество уже преодолевает тот тип культуры, который строится на монологическом восприятии мира, в основе которого лежит субъект-объектная гносеологическая модель (оставляющая за адресатом только одно «право» – расшифровать информацию, передаваемую говорящим, и делать это адекватно), отражающая рационалистическую («картезианскую») западноевропейскую парадигму, определявшую научное познание в течение трех столетий. Новую гносеологическую модель можно охарактеризовать как осознанный переход к субъект-субъектным отношениям, интерактивному взаимодействию, широко понятому диалогу, а, следовательно, «реабилитации» адресата, Другого, «я», находящегося напротив моего «я». Все это позволяет признать ведущим принципом становящейся культуры именно диалогичность. В этой связи представляется актуальным любое исследование, предпринятое на стыке проблем, касающихся человеческого общения и его эффективности.

Литература нового времени, создаваемая в рамках постструктуралистско-постмодернистского комплекса (Ильин, 1996), ориентирована на новый тип коммуникативного эффекта. Определяя эффективное общение, А.К. Михальская указывает на существенную разницу в его толковании с новых позиций: «Не только верная интерпретация сообщения адресатом, но и *подлинное взаимопонимание* между участниками коммуникации могут быть признаны результатом эффективного общения, психологическим проявлением которого является *радость*. Успешное общение вызывает и эстетические переживания, сходные с теми, что рождает восприятие произведений искусства» (Михальская, 1990: 56-57). В таком общении автора с читателем достигается гармония, которая с полным правом может расцениваться как желаемый коммуникативный эффект в художественной (или нарративной) коммуникации. «Гармоническим можно назвать общение, которое дарит коммуникантам не только информацию к размышлению, но и чувство прекрасного, удовлетворение, радость сопереживания. Гармонизацию общения можно определить, таким образом, как интеллектуальное, эмоциональное и эстетическое сопереживание коммуникантов, предполагающее творческую активность не только адресанта, но и адресата» (Болотнова, 1992: 77)]. Именно в таких случаях возникает подлинное взаимопонимание писателя и читателя, чувство обретения друга, единомышленника. Осознание этого факта и будет иметь свое психологическое проявление – радость, о которой как о желаемом эффекте от любого человеческого общения, писала А.К. Михальская.

На достижение подобного коммуникативного эффекта должно «работать» все: концептуальное содержание, система образов, сюжет, выразительные средства, а также общие принципы словесно-художественного структурирования текста – коммуникативные универсалии (Гринберг, Осгуд, Дженкинс, 1970: 31-35), специально ориентированные на «диалогическую гармонию» автора и читателя. Н.С. Болотнова определяет коммуникативные универсалии «как условия наиболее эффективного воздействия на адресата, активизирующие его познавательную деятельность, как средства регулятивности текста» (Болотнова, 1992: 78).

Не вызывает сомнения тот факт, что особенно актуальным вопрос о диалогической гармонии становится, когда в нарративе имеются т.н. «способы вторичного информирования» – вертикальный контекст: аллюзии, пародии и т.д. – то есть такие элементы текста, которые являются характерной чертой литературы нового времени и требуют повышенной речемыслительной *активности* читателя. В свое время О. С. Ахмановой было предложено определение проблемы вертикального контекста как изучения, прежде всего, «фонового знания, а также того, что за отсутствием адекватного метаязыкового выражения средствами русского языка мы называем «аллюзией» (англ. *allusion*), т.е. образов, метафор и других видов высказываний, предполагающих у читателя знание определенного историко-филологического материала» (Ахманова, Гюббенет, 1977, 47). В современном литературоведении это достаточно изученное явление

(Липовецкий, 1997). «Литературная Энциклопедия» дает следующее толкование: аллюзия (намек) – риторическая фигура, заключающаяся в ссылке на историческое событие или литературное произведение, которые предполагаются общеизвестными. Иными словами, это наличие в тексте элементов, функция которых состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам. От цитации текстовая аллюзия отличается тем, что элементы претекста (то есть предшествующего текста, к которому в данном тексте содержится отсылка) в рассматриваемом тексте оказываются рассредоточенными и не представляющими целостного высказывания, или же данными в неявном виде. Следует отметить, что неявность часто рассматривается как определяющее свойство аллюзии, и поэтому имеется тенденция к использованию этого термина лишь в том случае, если для понимания аллюзии необходимы некоторые усилия и наличие особых знаний. При этом данные элементы текста-донора, к которым осуществляется аллюзия, организованы таким образом, что они оказываются узлами сцепления семантико-композиционной структуры текста-реципиента.

Нас будет интересовать один конкретный тип аллюзий, причем именно как текстовое условие, в котором проявляют себя некоторые коммуникативные универсалии. И, прежде всего, речь пойдет о лексически репрезентированных коммуникативных универсалиях, имеющих ассоциативно-смысловой характер. Данный характер обусловлен «ассоциативной «аурой» слов, их способностью стимулировать речемыслительную деятельность коммуникантов...» (Болотнова, 1992: 81). Приведем примеры: *Исполни обетование Твое, данное Петру; что сказал Ты, запечатлей то самым делом. Утверди врата ее, укрепи запоры ее, воздвигни рог ее, вознеси главу ее. (Преподобный Ефрем Сирийский. Псалтирь, или Богомысленная размышления...86); Привел себе на память долги и грехи свои – и пролил потоки слез. Ободряли меня разбойник, мытарь, Мария-грешница, хананеянка, а также кровоточивая и самарянка при кладезе водном. (там же, 90); Поползнулся я – и пал в грехи: простри ко мне десницу Твою, и я восстану, как грешница в доме Симона, как разбойник на кресте. (там же, 91).*

Примеры из произведений Г.К. Честертон: *Если вы сомневаетесь в практической пользе раскаяния, вот вам ваши ножи и вилки. Вы «Двенадцать верных рыбаков», и вот ваши серебряные рыбы. Видите, вы все же выловили их. А я – ловец человеков. (Странные шаги); Надо сдаваться. Тут уж все равно, четыре нас тысячи или четыре человека. Ты победил, Галилеянин! Перкинс, налейте мне вина. (Наполеон Ноттингхилльский); Радость, ведомая тем, кто спасся от смерти, к кому вернулась любовь, и тем, чьи беззакония покрыты. (Шар и Крест);*

Примеры из произведений К.С. Льюиса: *При имени «Соломон» на нее хлынуло все, что она знала о сверкающем, словно, солнце, мудреце, возлюбленном и волшебнике. Впервые за много лет она ощутила то, что*

связано со словами «король» и «царь» – силу, поклонение, святость, милость и власть. Она забыла, что немножко сердится на Марка, забыла свой народ и дом отца своего. (Мерзейшая мощь); Вдруг все заговорили громко, разом, перебивая друг друга. Со стороны могло показаться, что они пьяные. Никому не удалось припомнить потом, о чем же шла речь... За всю свою жизнь она не слышала такого красноречия, такого точного ритма, таких догадок и метафор. Но вспомнить, о чем они говорили, она не могла. Вдруг все замолкли, словно улегся ветер. (там же); Мы уже порядком выветрились из сознания то, чему учил этот невыносимый Павел, толкуя о пище и других пустяках, а именно: человек нещепетильный должен уступать человеку щепетильному. (Письма Баламута); Тут, как и везде, богатому труднее войти в Царство Небесное. А войти в него надо, хотя бы для того, чтобы наша любовь стала вечной. Почти все мы этого хотим и надеемся... (Любовь); и т.д. В данных фрагментах функционируют лексически репрезентированные коммуникативные универсалии. Сопряженность (порой парадоксальная) в перспективе текста – «по горизонтали» и «по вертикали» – разных текстовых стимулов и ассоциатов (в приведенных примерах подчеркнуты) должны вызывать вполне определенные ассоциации, позволяющие «опознать» и раскрыть аллюзии, невероятно обогащающие смысл воспринимаемого текста.

Иными словами, мы видим, лексические единицы, структурированные в тексте особым образом, способные порождать ассоциации, т.е. стимулировать речемыслительную деятельность коммуникантов. С этим обстоятельством, как замечает Н.С. Болотнова, связано, в частности, то, что «коммуникативные универсалии являются динамическими структурами в разных текстовых системах в диапазоне определенного инварианта. Это касается как процесса порождения текста, характеризующегося в каждом конкретном случае своеобразным лексическим воплощением данных универсалий в свете субъективных факторов текстообразования, так и процесса восприятия (курсив мой – Л.К.) художественного произведения» (Болотнова, 1992: 77-78), когда можно говорить и об интерпретационном «инварианте», и о варьировании смыслового и прагматического эффекта текста применительно к разным категориям читателей. Помимо всего прочего, интересно рассмотреть, какие параметры (в терминах социолингвистики – «измерения») читательской аудитории влияют 1) на сам факт варьирования и 2) на его пределы.

Способность «считывать» вертикальный контекст (ВК) сама по себе является фактором дифференциации читателей («наивный/искушенный»). Априори можно предположить, что быстрее «опознать» и полнее раскрыть аллюзии, обогащающие смысл воспринимаемого текста, удастся читателю «искушенному», поскольку он по определению начитан в текстах, что является необходимым условием для восприятия любого ВК и влияет на эффективность художественной коммуникации (позволяет достичь гармонии). Мы обратили внимание на некоторые условия, при которых

активизируются те или иные коммуникативные универсалии, или их действие сводится практически к нулю.

Было проведено экспериментальное исследование, в котором информантам (в качестве информантов выступили преподаватели кафедры русского языка ВКГУ, магистранты и студенты старших курсов филологического факультета, общим числом 23 человека (т.е. читатели, которых никак не отнесешь к категории «наивных», напротив – чтение и адекватная интерпретация текста входит в число их обязательных профессиональных навыков, так что это, скорее, «искушенные» читатели) предлагались для интерпретации предложения с аллюзиями. По условиям опроса – в идеале – аллюзия должна быть 1) «опознана», т.е. зафиксирован маркер, или репрезентант аллюзии в тексте-реципиенте; 2) должен быть указан хотя бы приблизительно прецедентный текст (претекст, текст-донор), т.е. ее денотат, и 3) кратко описаны причины использования аллюзии в данном случае. Однако ответ засчитывается как положительный, если выполнено хотя бы *одно* задание. Информантами остался «непрочитанным» смысл практически всех (32) предложений: в подавляющем большинстве случаев аллюзии были не только не раскрыты, но даже и не зафиксированы (в 99, 4 % случаев абсолютно – по трем заданиям – отрицательный результат).

Полученные результаты, на первый взгляд, противоречили первоначальной гипотезе. Кроме того, четко обозначился один тип аллюзий, которые регулярно *не прочитывались* этой группой информантов. Иными словами, общение этих читателей с автором не только не было гармоничным, но в нем отсутствовал какой бы то ни было коммуникативный эффект (то есть наблюдалась дисгармония). Была создана 2-ая – контрольная – группа («наивных» читателей), члены которой, не воспринимая какие-то другие аллюзии, безошибочно фиксировали и раскрывали именно этот тип.

Итак, результаты эксперимента показали, что, по крайней мере, в двух группах информантов упомянутое варьирование может осуществляться иногда в довольно широком диапазоне значений (по шкале) от нулевой отметки – то есть когда отсутствует коммуникативный эффект (читатель попросту не понимает текста) – до высшей (в принятой нами градации) отметки «диалогическая гармония» (Котова, 2007: 107), как максимального уровня коммуникативного эффекта, возможного в художественном произведении.

Итак, с одной стороны, читатели (профессиональные читатели-филологи) не зафиксировали ни одной аллюзии в 32 примерах, 27 из которых взяты из текстов писателей XX века, практически, наших старших современников (для чистоты эксперимента мы решили не учитывать те 5, которые взяты из текстов писателей IV века – первые из приведенных выше примеров, – понять которые может помешать даже филологу их несколько архаичный и специальный характер). Кроме отдельных предложений, могло быть дано целое произведение (что должно бы облегчить задачу), как например, стихотворение «Осёл» Г.К. Честертона: *Парили рыбы в вышине, /*

*На дубе зрел ранет, / Когда при огненной Луне / Явился я на свет. / С ужасным голосом, с моей / Ушастю башкой – / Насмешка беса надо всей / Скотиной трудовой; / Каприз неведомых владык, / Их воли злой печать, – / Гоняйте, бейте, я привык, / Мне есть, о чем молчать./ О дурачьё! Мой лучший миг / Отнять вы не смогли: / Я помню **стоголосый крик** / И **ветви пальм в пыли**.* – Хотя в некоторых ответах были и «образы-архетипы», и «ассоциации», и «мотивы», и «трансформация образа» и прочие высококвалифицированные филологические суждения, основанные на филологическом анализе текста, концептуальное содержание этого простого стихотворения осталось непрочитанным.

С другой стороны, некоторая группа «наивных» читателей без труда указала на претекст *во всех* (а им было предложено 43 карточки) примерах, включая примеры из текстов IV века (в 99,87 % случаях положительный результат).

Какие факторы по преимуществу повлияли на результаты эксперимента?

Обратимся к группам информантов. Основные измерения (например, возраст, пол, родной язык, уровень образования, наличие профессии, уровень жизни, круг интересов и т.д.) в группах по возможности максимально выравнились. Противопоставлены они были лишь по одному измерению. 1-ую группу составили представители (возраст от 20 до 69 лет) постсоветской культуры, не считающие себя верующими, хотя номинально являющиеся христианами (крещеными), но не посещающие храма, не приступающие к церковным таинствам. В отличие от них, 2-ую (контрольную) группу (возраст от 25 до 72 лет) составили «практикующие» христиане, то есть люди *верующие*, разной этнической принадлежности (русские, украинцы, немцы, евреи), все – прихожане одного из городских православных храмов. Как читатели обе группы сформировались в одних и тех же условиях атеистической советской культуры. А, как известно, советский читатель, воспитанный на литературе соцреализма, был серьезно обделен достижениями мировой философии и культуры – христианской по своей духовной основе. Эти произведения были ему недоступны, с одной стороны, по причине цензуры, стоявшей на страже советского атеистического мировоззрения, а с другой стороны, – даже если эти достижения оказывались доступны, – советский читатель (именно в силу сформированного атеистического мировоззрения), просто не мог воспринять их во всей полноте и значимости содержания.

Причина принципиального различия между двумя группами информантов – сформированность картины мира на основе религиозного сознания у одних (2-ая группа) и отсутствие таковой у других (1-ая группа). Причем, эту картину мира нужно называть именно «христианской» (не «русской» – в отличие от русской *языковой* картины мира, – и не «православной», что, кстати сказать, намеренно поддерживается «иноязычными» примерами в переводе с английского из произведений западных христианских писателей XX века и в переводе с греческого из

произведений авторов IV века, один из которых является к тому же этническим сирийцем). Опрос показал, что информанты-христиане без труда улавливают аллюзии, называют претекст (тексты Священного Писания Ветхого и Нового Заветов), приводят массу дополнительных данных (вплоть до сущности «обетования, данного Петру» и какому именно «Петру», собственного имени «грешницы в доме Симона» и сведений о самом «Симоне», а также указания на то, какие конкретно сложные жизненные ситуации, или свои грехи имеет в виду автор, чтобы в сокрушении именно *о них* его могли «ободрить» *эти* люди и почему), безошибочно по атрибутам узнают праздник, о котором идет речь в стихотворении «Осёл» (напомним, что этого не смог сделать ни один из информантов-филологов (при этом текст, аллюзию на который содержит стихотворение, считается едва ли не самым авторитетным в мировой культуре и *предполагается общеизвестным* – Мф., 21, 1-11; Мк., 11, 1-10; Лк., 19, 28-40; Ин., 12, 12-19.)).

Полученные результаты поддаются интерпретации в плоскости социалингвистической проблемы «язык и религия».

С точки зрения семиотики, язык и религия – это две самобытные знаковые системы, обладающие своим содержанием и своим способом передачи этого содержания. План содержания языка и план содержания религии – это два разных образа мира (две картины, две модели мира), поэтому в терминах семиотики язык и религия – это две моделирующие семиотические системы. Н.Б. Мечковская отмечает: «Язык заключает в себе самую простую, элементарную картину мира; религия – самую сложную, при этом в содержание религии входят компоненты разной психической природы (чувственно-наглядной, логической, эмоциональной, интуитивной, трансцендентной). Язык выступает как предпосылка и универсальная форма, оболочка всех других форм общественного сознания; религия – как универсальное содержание, исторически первый источник, из которого развилось все последующее содержание общественного сознания. Можно сказать, что язык – это универсальное *средство*, техника общения; религия – это универсальные *смыслы*, транслируемые в общении, *заветные смыслы*, самые важные для человека и общества» (Мечковская, 1998: 6). Из дальнейших ее рассуждений становится ясна такая оценка: «Что касается психологической, *человеческой* значимости религиозного содержания, то в сопоставлении с любой другой информацией, могущей циркулировать в человеческом обществе, религиозное содержание обладает *максимальной ценностью*. Это связано с двумя обстоятельствами: 1) религия ищет ответы на самые важные вопросы бытия, 2) ее ответы, обладая огромной обобщающей силой, отнюдь **не** абстрактны, они обращены не столько к логике, сколько к более сложным, тонким и интимным областям сознания человека – к его душе, разуму, воображению, интуиции, чувству, желаниям, совести» (там же, 39).

Американский социолог Р. Белла определяет религию в качестве особой системы коммуникации – «символической модели, формирующей человеческий опыт – как познавательный, так и эмоциональный» в решении

самых главных проблем бытия (Белла, 1968: 267). Читатели-христиане «считывают» аллюзии не только потому, что хорошо знают Евангелия как прецедентный текст (их знают и религиоведы). Это происходит и потому, что ситуации и отношение к ним, о которых говорят эти тексты, хорошо известно каждому верующему в *духовном опыте*, причем в опыте, неоднократно отрефлексированном (в личном покаянии) и вербализованном в исповеди (исповеданном). Это *качественно другой тип* знания и сознания. У 1-ой группы ощущается дефицит знаний не столько лингвистических и/или экстралингвистических знаний (т.е. фоновых, которые можно так или иначе, применительно к данному случаю, довольно быстро восполнить при помощи краткого культурно-исторического комментария), сколько знаний, формирующих мировоззрение, в отсутствие которых необходимо будет пояснять каждую деталь и символ.

В этом и состоит особенность тех знаний, что позволяют адекватно «считывать» все смысловые пласты предложенного текста (а не просто раскрывать аллюзии и другие виды вертикального контекста), – это знания, которые можно получить *только из пережитого опыта*, это – знания, формирующие мировоззрение, мировосприятие, не просто изменяющие картину мира, но определяющие собой новое сознание – сознание религиозное (в комментируемом случае, христианское), которое активно воздействует на весь образ жизни человека. «В сущности, это не «воздействие» на жизнь, а сама жизнь» (Мечковская, 1998: 44).

О том, что это не лингвистическая проблема, пишут и современные богословы. Профессор МДА, протодиакон Андрей (Кураев), как миссионер имеющий дело с высокообразованной аудиторией (как правило, со студентами и преподавателями вузов), неоднократно замечал: «понятность – это вещь отнюдь не лингвистическая. Есть непонятность, порождаемая различием личного опыта. Есть непонятность, порождаемая расстоянием между культурами». «Ну, переведете вы, – пишет далее автор, – с церковнославянского на русский язык «ниневитяны, душе, слышала еси кающихся Богу». Но что это скажет душе, которая как раз никогда и не слышала про «ниневитян» и про их покаяние? (как, впрочем, и про покаяние вообще – Л.К.)...» (Кураев, 2004: 186-187). Необходимо согласиться с автором и признать, что «верующий человек отличается от неверующего тем, что круг его опыта просто шире. Так отличается человек, у которого есть музыкальный слух, от человека, который не может слышать гармонии созвучий. Так отличается человек, который сам побывал в Иерусалиме, от человека, который утверждает, что такого не может быть, потому что Иерусалим и то, что о нем рассказывают, – это миф невежественных средневековых варваров. Если у человека есть опыт Встречи – как многое меняется в его мире! А если он утрачивает его – как многое тускнеет» (Кураев, 1994: 57).

Следствием этого для читателей с несформированным религиозным сознанием будет необходимость постоянных интеллектуальных усилий при восприятии не только текстов Священного Писания и Предания

(патристики), но и фрагментов художественных произведений, содержащих аллюзии на эти тексты (а это – огромный корпус мировой и русской литературы!). Этот фактор, затрудняющий работу коммуникативных универсалий, снижающий их «коэффициент полезного действия», должен быть определен именно как мировоззренческий – он и является причиной отсутствия диалогической гармонии при общении «автор-адресат» в рассмотренных случаях.

Литература

1. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания, 1977. -№ 3. – С. 47-54.
2. Белла Р.Н. Социология религии / Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. – М.: Советское радио, 1968. - С. 265-281.
3. Болотнова Н.С. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте // Филологические науки, 1992. – № 4.– С. 75-87.
4. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып. V. – М.: Прогресс, 1970. – С. 31-45.
5. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
6. Котова Л.Н. Нарратив в зеркале диалога «автор-адресат». – М., 2007.
7. Кураев А. Диакон. Ответы молодым. – М.: Издательство Саратовской епархии, 2004. – 288 с.
8. Кураев А. Диакон. Доказательства бытия Бога // Все ли равно как верить? – М.: Изд-во Братства Святителя Тихона, 1994. – 175 с.
9. Липовецкий М. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики).- Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997. - 317 с.
10. Мечковская Н. Б. Язык и религия. – М.: Агентство "ФАИР", 1998. – 352 с.
11. Михальская А.К. К современной концепции культуры речи // Филологические науки, 1990. – № 5. – С. 50-60.

References

1. Akhmanova O.S., Gyubbenet I.V. "Vertical context" as philological problem [«Vertikalnyy kontekst» kak filologicheskaya problema] // Voprosy yazykoznaneya, 1977. -№ 3. – S. 47-54.
2. Bella R.N. Sociology of Religion [Sotsiologiya religii / Amerikanskaya sotsiologiya: Perspektivy, problemy, metody]. – M.: Sovetskoye radio, 1968. - S. 265-281.
3. Bolotnova N.S. Communicative universals and their lexical expression in literary text [Kommunikativnyye universalii i ikh leksicheskoye voploshcheniye v khudozhestvennom tekste] // Filologicheskkiye nauki, 1992. – № 4.– S. 75-87.

4. Grinberg Dzh., Osgud Ch., Dzhenkins Dzh. Memorandum of language universals [Memorandum o yazykovykh universal'yakh] // Novoye v lingvistike. Vyp. V. – M.: Progress, 1970. – S. 31-45.
5. Ilin I.P. Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism [Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm]. – M.: Intrada, 1996. – 256 s.
6. Kotova L.N. Narrative in the mirror of dialogue "author – recipient" [Narrativ v zerkale dialoga «avtor-adresat»]. – M., 2007.
7. Kurayev A. Deacon. Replies young [Diakon. Otvety molodym]. – M.: Izdatelstvo Saratovskoy yeparkhii, 2004. – 288 s.
8. Kurayev A. Deacon. Proving the existence of God [Diakon. Dokazatelstva bytiya Boga] // Vse li ravno kak verit? – M.: Izd-vo Bratstva Svyatitelya Tikhona, 1994. – 175 s.
9. Lipovetskiy M. Russian postmodernism [Russkiy postmodernizm] - (Ocherki istoricheskoy poetiki). - Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 1997. - 317 s.
10. Mechkovskaya N. B. Language and religion [Yazyk i religiya]. – M.: Agentstvo "FAIR", 1998. – 352 s.
11. Mikhalskaya A. K. To the modern concept of speech culture [K sovremennoy kontseptsii kultury rechi] // Filologicheskiye nauki, 1990. – № 5. – S. 50-60.